

ЕРЕМЕЕВ

Аркадий Федорович

Еремеев А.Ф., доктор философских наук, заведующий кафедрой этики, эстетики, теории и истории культуры, действительный член Академии гуманитарных наук. Заслуженный деятель науки РФ (1995). Автор монографий: «Происхождение искусства». М., 1970; «Природа эстетических модификаций». Свердловск, 1975; «Границы искусства». М., 1987; «Первобытная культура». Т. 1. Саранск, 1996; Т. 2. Саранск, 1997 и др.

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ ГОМЕР

Наш город в своей исторической жизни прошел через ряд непохожих друг на друга эпох, отмеченных характерными для каждой из них событиями. И, конечно, речь идет не о тех скоропалительных перипетиях, которые всем известны как, например, захват Екатеринбурга белыми, а потом — красными, как прогоны по Великому Сибирскому тракту той или иной партии арестантов, как остановки в «Американской гостинице» конкретных столичных и европейских знаменитостей... Подобные жизненные ситуации легко отслеживать, различать, классифицировать, но они все же лежат на поверхности, возникают под воздействием преимущественно внешних причин и в значительной мере случайны. Есть и более глубинные сдвиги событий, позволяющие увидеть Екатеринбург городом полезного предпринимательства и делового азарта, каким он, скажем, предстает в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка, или городом даровитых мастеровых, удивительных характеров-самородков, подобных героям П.П. Бажова. Как бы

то ни было, все эти линии жизни связаны с горнозаводской и камнеделательной судьбой нашего края, с тем, что он «добытчик и кузнец», что через него проходили пути из российских столиц в ссылку и обратно, потому они типичны и закономерны для предреволюционной поры, как позднее заводы-гиганты, разных типов вузы и т.д.

Однако были жизненные процессы в городе, которые до поры до времени не выходили наружу, а в истоках не имели видимых причин для возникновения, мало были связаны или вообще не связаны с существующими традициями, а потому при своем обнаружении они кажутся неожиданно свалившимися неизвестно откуда. Чаще всего такое случается в сфере культуры: где-то театр или спектакль, где-то фильм или хоровая программа окажутся явлениями, выходящими из обычного ряда и становящимися ценностями российского, а то и более крупного масштаба. Взяться же им — заострим еще раз высказанную мысль — вроде бы было совсем неоткуда...

К такого рода исключениям, странностям, а то и сюрпризам можно отнести осуществление полного перевода и издание Уральским университетом знаменитой древнегреческой поэмы «Одиссея». Случилось это сразу же по окончании Великой Отечественной войны и не имело, как говорится, прецедентов как ранее, так и позднее. Пользуясь привычным для Урала языком оружейников, можно констатировать: пушку, да какую?! — уникальную! — отлили ради одного «выстрела». «Выстрел» произвели, но в том-то и благодатность существования чего бы то ни было, произведенного в сфере культуры — оно остается и — в идеале — сохраняется навсегда. Уже нынешнее поколение студентов, преподавателей, гостей университета берет в руки книгу перевода Гомера как редкость, как реликвию, как уникальный экспонат.

Впрочем, и в год издания — 1949 — «Одиссея» была уникальной. Во-первых, она содержала единственный в своем роде новый перевод поэмы, осуществленный доцентом Уральского университета Павлом Александровичем Шуйским. Во-вторых, книга была произведена на свет практически кустарным способом — университет не имел тогда издательства, типографии и в крошечных комнатенках с неярким освещением, насквозь процахших ядовитыми парами свинца от старенького, расхристанного линотипа и кислотой цинкографии работал столь же крошечный коллектив подлинных энтузиастов, вернее даже незаметных героев, всегда выручавших университет, казалось, бы из безвыходных положений. В-третьих, Уральский университет, обладавший в своем составе мощными естественнонаучными факультетами, тем не менее, а, может быть, в значительной мере и бла-

годаря им, имел ярко выраженную гуманитарную направленность в своем развитии, которая, прежде чем отразиться в учебных программах, воплощалась в высоком интеллекте, обширной эрудиции и разнообразии интересов его преподавателей, будь-то филолог или математик, историк или физик, психолог или географ, журналист или биолог. Потребность в гуманитарных открытиях была, что говорится, в крови университета. Наконец, в-четвертых, существовало единство, неразменная сумма творческих одержимостей (иначе не назовешь!) людей различных профилей занятости. Ректор Г.И. Чуфаров (кстати, химик по своей основной специальности) считал за честь для университета осуществление такого рода издания и, несмотря на всю бросающуюся в глаза невозможность его в тогдашних предельно неблагоприятных условиях, способствовал делу и, весьма эффективно, вплоть до такой вот мелочи. Университет не имел средств оплатить хотя бы малую толику титанического труда переводчика. Тогда вспомнили о праве присуждать премии, данном университету в ознаменование его вклада в победу над фашизмом. Так П.А. Шуйский стал одним из первых Лауреатов и поныне присуждаемой премии за лучшую научную работу.

Декан историко-филологического факультета Н.М. Катериночкин, доцент А.И. Виноградов и приглашенный для консультации профессор М.Я. Сюзюмов в профессиональном и организационном плане помогали П.А.Шуйскому. Но средств на издание и технической базы фактически не было. И как тут добром не вспомнить работников типолаборатории, своими силами осуществивших набор, верстку, печатание и переплет солидного тома. А сам глава лаборатории М.А. Годисов посто-

янно отрывался от непосредственных текущих дел, спешил на помощь другим; потом он и сам удивлялся, как удалось осилить задуманное, о своей роли разговоров не поддерживал, все больше похваливал своих помощников, хотя гордость за хорошо выполненную работу испытывал до своей кончины.

Так, издание перевода «Одиссеи» стало любимым детищем всего Уральского университета, но на большее пороку не хватило, хотя П.А. Шуйский перевел и «Илиаду», и «Гомеровы гимны», и Гомеровы эпиграммы и множество других древнегреческих текстов. Начатое приобщение к культурной вечности приостановилось, надеюсь, лишь на время. Ведь существует инициатива Уральского отделения Академии Гуманитарных наук издать Уральскую гуманитарную библиотеку, чтобы показать богатство нашего края не только в рудознатном, ювелирном и чугунолитейном деле, но и в обогащении духовности и сокровищницы мысли. Вот бы и начать эту серию с переводов П.А. Шуйского, тем более что они органичны той новой традиции, что создал Уральский университет публикацией «Одиссеи», а в архивах переводчика материалов достаточно, а там, глядишь, продолжат серию труды, переводы выдающегося медиэвиста мирового уровня профессора М.Я. Сюзюмова (напомню, что он выступал в качестве консультанта при издании Гомера). Вопреки популярным сейчас стенаниям о гибели культуры опять же на Урале, в «опорном крае державы», оживут «мертвые языки» (так официально именуют латынь и древнегреческий) и раскроют духовные ценности, спрятанные за семью печатями. Гарантии того, что они придутся ко двору, искать не надо, они уже найдены — и сейчас в арсенале нашей культуры существует «Одиссея»

в переводах В.А. Жуковского, В.В. Вересаева, П.А. Шуйского, обладающих каждый своими особенными достоинствами. Специалисты считают естественным и закономерным их параллельное бытование, где ни один перевод не перечеркивает другой, а взаимодополняет его. Член-корреспондент РАН А.К. Матвеев, когда-то год работавший под началом П.А. Шуйского, отмечает профессиональные достоинства уральской «Одиссеи». Еще раньше известный авторитет в изучении античности А.А. Тахо-Годи называла П.А. Шуйского «первым» советским переводчиком-гомероведом, проложившим новый путь к пониманию великого создателя древнегреческого гения. Подобные отзывы можно умножить. Мне же хотелось вспомнить впечатления студенческих лет, когда перевод П.А. Шуйского воспринимался легче других, гекзаметр будто утрачивал свою произвольность новому стиховому мышлению и приобретал естественность бытия в новой языковой стихии. Сам Павел Александрович способствовал этому не только текстом переводов, но и манерой своего преподавания. Он умел придать своим занятиям праздничность и характер увлекательной игры даже вхождением своим в аудиторию (точнее воцарением в аудитории), подготавливая важность предстоящего действия. Тексты Гомера и других классиков утрачивали отдаленность и замкнутость в омертвевших текстах, и оживали в переводах не только мэтра, но и студентов, слушающих курс, возникали непосредственная состязательность в трактовке тех или иных смысловых частей, импровизация и творчество. Самое большое помещение в здании университета по улице 8-е Марта, 62 (сейчас Уральский экономический университет) собирало всех первокурсников

историко-филологического факультета. На кафедре, опираясь на неизменный костыль, водружался высокий старик с развевающейся седой бородой и горящими глазами. Он степенно усаживался и начиналось священнодействие из древнегреческой и римской жизни, представляющее в художественных текстах и мифах. Боги и герои сами собой существовали в изложении лектора, каждый предстал в только ему одному присущем обличи. Причем П.А. Шуйский не допускал никаких нарочитых драматических эффектов, жестикуляций, «проникновенной» мимики. Все содержательное многообразие, все смысловые оттенки достигались богатством интонаций, умением слить воедино текст литературного памятника и слова лекторской речи, продемонстрировать живую непосредственность мифологической ситуации. Не будет преувеличением сказать, что вся античная литература была заново переведена П.А. Шуйским и не ради каких-то академических целей (хотя они, безусловно, похвальны), а для того, чтобы войти в мышление и речь современников. Переводческая творческая лаборатория П.А. Шуйского была открыта для всех. Студенты-журналисты заучивали отрывки из комедий Аристофана и произведений Гомера не только для того, чтобы щегольнуть цитатой на экзамене (хотя это и очень ценилось), но чтобы посуществовать в реальной стихии чужого языка, ощутить его фонетику и стилистику. Сам Павел Александрович весьма поощрял подобное творчество. На лекциях он обычно приводил не один какой-нибудь, пусть общепризнанный, перевод художественного текста, а приводил и другие, в том числе и не публиковавшиеся, сравнивал их, показывал достоинства каждого варианта, а о

недостатках говорил в основном в связи с источниковедческими и комментаторскими проблемами. Аудитория не шелохнувшись следила за увлеченным до упоения рассказчиком, за меняющейся выразительностью его глаз — и когда они расплывались в улыбке при намеке на скрытую пикантность ситуации (а их так много в античности) или снайперски прицеливались вслед за формулированием афоризма. Зал чутко отзывался на каждое движение мысли глубоким сопереживанием и пониманием, буквально прозревал, а случалось — срывался на аплодисменты. И хотя аплодисменты были относительно редки, последняя лекция курса непременно завершалась овацией, и трудно было определить, что оказалось важнее — только что мастерски прочитанная и обогатившая тебя знанием и человеческим общением лекция или сияющий от радости почтенный старец, старомодно кланяющийся. П.А. Шуйский предстал не в артистическом азарте, а в достойной манере работника, хорошо исполнившего свой труд и радующегося, что это понято и оценено.

Живое впечатление студентов и преподавателей лучше передает содержание деятельности П.А. Шуйского, чем официальные документы. В них скудные сведения о том, где учился, где и в какие годы жил и перечень репрессий за политическую деятельность в годы царизма: ссылки, изгнания из учебных заведений, тюрьмы — Таганская, Бутырская... Создается впечатление, что читаешь послужной список профессионального революционера, а не будущего замечательного переводчика. Но как бы то ни было, но и от Петрозаводской гимназии и от Йенского, Московского университетов, где Павел Александрович учился, досталось ему немало, если служение античности стало главным делом его

жизни. Пригодились и шесть языков, которыми он свободно владел, и широкая эрудиция в смежных областях и редкая способность сосредоточиться на главном, и щедрое жизнелюбие, которые любые знания и сведения заставляли существовать по законам нового, именно сейчас проистекающего, бытия.

Безусловно, много случайных событий лежит в основании появления гомеровского перевода именно в Свердловске (Екатеринбурге). Но очевидно и то, что эти случайности слились воедино, и тем самым создали, как говорят философы, уже «нечто иное самих себя», а именно — необходимость. В этом сказался высокий уровень гуманитарной культуры, достигнутый за предшествующие переводу «Одиссеи» годы и сопутствующий его осуществлению. Сказалось и то время, когда мы научились гордиться этим достижением. Имеющиеся изъяны не могли помешать сколько-нибудь существенно, хотя с печалью приходится констатировать, что сейчас в нашем университете гуманитарных факультетов больше, чем было раньше, но когда-то гуманитарной культуры хватало, чтобы перевести и издать «Одиссею» Гомера. Сейчас ее не достает не только на то, чтобы опубликовать другие переводы, но хотя бы догадаться где-нибудь повесить портрет человека, принесшего университету немало славы.

В Екатеринбурге же — вернемся к началу наших заметок — при всех

издержках, о которых шла речь, все же родилась новая традиция, которую можно поставить в ряд с обычными нашими удачами. Но эта традиция в чем-то оказалась сродни другой уже печальной научной традиции России. Речь идет вот о чем. Хотя при любом раскладе дальнейших реалий бытия П.А. Шуйский окажется среди имен, которыми Екатеринбург и Уральский университет вправе гордиться, он все же не получил официального признания — ни звания профессора, академика, заслуженного деятеля, за которые людей по одной только формальной номенклатуре обычно отличают среди прочих. Более того, он не был даже кандидатом наук. Тем самым П.А. Шуйский остался лишь соавтором великого Гомера и разделил судьбу М.М. Бахтина, который так и не стал доктором наук, и А.Ф. Лосева, не удостоившегося звания в какой-либо академии.

Но ему посвятили веселые стихи студенты нашего университета:

На древний лад
Настроив лиру,
С успехом он поведал миру
О приключениях Одиссея.
(Гомер, восторгов не жалея,
Коль был бы жив,
Тотчас признал
Свои стихи — за переводы
Его же — за оригинал)...

И это дорогого стоит.

